

В самую пору середины весны обочины тракта тонули в цветущих грушах. Стоило налететь легкому ветерку, как лепестки срывались с ветвей, кружась в воздухе дурманящей снежной порошей. Стуча колесами, мимо пронесся экипаж. Он поднял столб пыли, увлекая за собой цветочную метель, которая тут же опадала в придорожную грязь, чтобы вскоре превратиться в весенний перегонной.

Правил повозкой крепкий детина средних лет. Смуглый, круглолицый, с грозным разлетом бровей и широкими, точно каменная стена, плечами — в нем без труда угадывался мастер жесткого кулачного боя. Миновав городские ворота, он придержал коней и, вполоборота склонившись к занавеске, негромко пробасил:

— Господин, может, заночуем сегодня здесь? В потемках ехать несподручно, а так к завтрашнему дню как раз будем на месте.

Из-под приподнятого полога выглянул изящный мужчина лет тридцати. Облик его дышал благородством: мягкие черты лица, тонкие, словно туманные горы, брови и глаза, сияющие ясными звездами. Даже когда он оставался бесстрастен, уголки его губ неуволимо стремились вверх, отчего казалось, будто на губах вечно играет едва заметная улыбка. Посмотрев на редкие городские огни, путник молча кивнул.

— Господин, в этом городишке всего один постоялый двор, да и тот неказистый. Может, лучше наведаемся в управу?.. — еще тише предложил А-Да.

— Ни к чему поднимать шум. Остановимся на постоялом дворе, — отозвался благородный господин. Он выбрался наружу и устроился на козлах рядом с возницей. — Его след все там же?

А-Да кивнул:

— Все там же. Но если вы вот так, без предупреждения, явитесь к господину Ли... к нему... не выйдет ли...

Вместо ответа путник задумчиво окинул взглядом сонный город и достал из-за пазухи нефритовый кулон. Это была мужская поясная подвеска с резным узором из бамбуковых ветвей, сулящих мир и покой. Было видно, что когда-то ее разбили: трещины бережно стягивала искусная золотая оправа, напоминающая ажурную раму решетчатого окна.

Долго потирая пальцами прохладный камень, господин наконец мягко улыбнулся:

— Сердце его не остыло. Иначе он не стал бы давать подсказку Хуа Синьфэну, как прижать к ногтю народ Цзе, да и за эти пять лет ни разу не сменил жилья. Обида в нем живет, спору нет,

но гнев его давно утих, а раны затянулись. Когда придет срок, он вспомнит и о Великой Цзинь, и обо мне...

Пограничный городок оказался совсем крошечным — из конца в конец его можно было неспешно пересечь за четверть часа. Не успели спутники закончить разговор, как впереди уже показались очертания южной стены, а лошади послушно замерли перед неприметным крыльцом. К ним тут же вихрем вылетел трактирный слуга. Размахивая грязным полотенцем, он принялся обмахивать колеса и расплылся в подобострастной улыбке:

— Уважаемые господа желают остановиться у нас?

Возница оскалился в ответной ухмылке, спрыгнул на землю и помог хозяину сойти на мостовую. Но не успели они переступить порог, как со стороны улицы донесся мерный стук копыт. Трактирщик вытянул шею, силясь разглядеть всадника во тьме:

— Ну надо же, бог богатства сегодня явно благоволит нашей дыре! — зычно крикнул он в темноту. — Господин путник, дальше по дороге постоянных дворов не сыскать! Не желаете ли преклонить голову у нас?

Всадник приближался не торопясь, позволяя коню идти шагом. На нем была бамбуковая шляпа-доули с тонкой вуалью, которая колыхалась на ветру. Когда он легко соскочил с седла, порыв ветра на мгновение приподнял полупрозрачную ткань, позволив разглядеть лицо — молодой человек прятал его правую половину под маской из черного золота.

Юношей на лошади был не кто иной, как Хэ Цзинпин. Окинув быстрым взглядом стоявших у кареты незнакомцев, он повернулся к слуге:

— В таком случае будь добр, любезный, выдели мне самую обычную комнату. Переночую и на рассвете тронусь в путь.

Цзинпин был одет в дорожное платье свободного кроя с узкими наручами, перехваченное на поясе широким ремнем, за которым у спины покоился длинный кинжал. Опытный взгляд А-Да сразу признал в нем человека из цзянху. Сделав шаг навстречу, детина преградил ему дорогу:

— Послушай, парень, этот трактир мы выкупили целиком на ночь. Так что поищи другое место для ночлега.

В маленьком городке других постоянных дворов попросту не было, так что совет «поискать другое место» звучал скорее как издевка. Но Цзинпин не разозлился. Он возвращался домой, и на душе у него было на редкость светло. В его планах было хорошенько выспаться, переодеться в чистое и завтра предстать пред ясные очи близких в подобающем виде. Раз уж заведение занято, что ж, придется ехать ночью.

Не проронив ни слова, он повернулся обратно к коню. Но едва его носок коснулся стремени, как благородный господин остановил его:

— Пустяки, А-Да. Пусть молодой человек остается.

С этими словами он радушно улыбнулся и переступил порог таверны, высматривая свободный стол.

Внутри царила убогая запущенность. В общем зале ютилось всего семь-восемь столиков, веками не видевших чистой тряпки. Многолетняя грязь и жир так глубоко въелись в дерево, что столешницы липли к пальцам. Удивительно, но изнеженный на вид барин брезговать не стал: он преспокойно опустил на узкую деревянную скамью.

— В дороге мы совсем истощились, — обратился он к хозяину. — Уважаемый, сообрази-ка нам чего-нибудь сытного погорячее.

Цзинпин вошел следом и устроился за соседним столом, попросив простую миску лапши.

Трактирщик, впрочем, утруждать себя не спешил. Лениво буркнув что-то в ответ, он продолжил неподвижно сидеть за своей конторкой, уставившись в открытую дверь на ночное небо и изредка пощелкивая костяшками счетов. Вся работа легла на плечи единственного слуги: тот метался между конюшней и кухней, пытаясь угодить гостям.

В зале воцарилась тишина. Цзинпин окинул взглядом лестницу, ведущую наверх — окна всех комнат второго этажа были темны. При таком полном отсутствии постояльцев оставалось лишь гадать, какие такие долги и прибыли подсчитывает хозяин.

Заметив на себе его взгляд, трактирщик отодвинул счета и добродушно усмехнулся:

— Откуда путь держишь, парень? Судя по одежке, из вольных бродяг будешь?

Цзинпин снял бамбуковую шляпу и положил ее рядом на скамью:

— Слишком долго не был дома, вот и обветшал в дороге.

Слабое пламя масляной лампы смягчало холодный блеск его металлической маски, а в утомленном зоре сквозила мягкость человека, познавшего тяготы странствий. Маска явно разжгла любопытство хозяина, и он уже приготовился расспросить странника поподробнее, как вдруг громко чихнул и зашелся в лающем, сухом кашле.

Приступ накатил мгновенно, не давая пощады. Буквально за пару вдохов трактирщик покрылся испариной, лицо его пошло багровыми пятнами, он захрипел, судорожно хватая ртом воздух и

задыхаясь.

Внимательно присмотревшись к болящему, Цзинпин отметил про себя: глаза навывкате, шея раздута — верные признаки зоба. А что касается этого изнуряющего кашля... Перед внутренним взором юноши невольно возник образ Ли Яо. Как там Гранд-дядя-наставник? Стало ли ему хоть немного легче?

— Я кое-что смыслю во врачевании, — мягко предложил Цзинпин. — Если не брезгуете, позвольте взглянуть?

В этот момент из кухни с подносом выбежал слуга. Увидев, что хозяину совсем худо, он наспех расставил миски по столам и бросился к конторке:

— Ничего-ничего, сейчас отпустит! У нас есть верное средство!

Он торопливо залез под прилавок и с благоговейным трепетом извлек оттуда сверток из красной ткани. Крошечный узелок величиной с ладонь был завернут в несколько слоев шелка. Бережно развернув их один за другим, слуга явил миру вовсе не целебное снадобье, а обычную плашку из черного дерева.

Слуга водрузил эту невзрачную дощечку на прилавок лицевой стороной к западу, прямо перед задыхающимся хозяином. Трактирщик, содрогаясь от кашля, тяжело выбрался из-за конторки, со стоном опустился на колени и, сложив пальцы в замысловатую, незнакомую Цзинпину печать, трижды припал лбом к полу.

Лбом он прикладывался с такой неистовой силой, словно голова была чужая, а половицы жалобно скрипели под его весом. Когда он поднялся, его лоб горел багровым пятном.

Тем временем слуга успел принести чашу теплой воды и достал из потайного ящика фарфоровый пузырек. Высыпав серый порошок в чашу, он тщательно размешал его и помог хозяину выпить.

Произошло чудо: едва сделав последний глоток, больной мгновенно ожил. Дыхание его выровнялось, хрипы утихли, а кашель прекратился, будто его и не было вовсе.

После этого оба заговорщически склонились над деревянной плашкой, сотворили еще одно странное подношение руками, прошептали под нос короткую молитву и бережно завернули святыню обратно в красный шелк.

Все, что касалось медицины, неизменно привлекало внимание Цзинпина, а уж если речь шла о кашле — его бдительность возрастала стократно. Будучи искусным лекарем, он прекрасно понимал: удушье, потливость и кашель у этого человека имели совершенно разные причины. Как могло одно снадобье вмиг излечить столь разнородные недуги? Неужто на свете и впрямь

существует панацея?

— Как вам так быстро полегчало? — не удержался он от вопроса. — Что это за чудодейственное лекарство?

Трактирщик изумленно вскинул брови:

— Ты, парень, видать, полсвета исходил, а о Владыке Отделяющегося Огня слыхом не слыхивал?

Последние два года Цзинпин действительно провел в странствиях, но его пути пролегали по безлюдным кручам и глухим чащам. Он искал редкие корни и травы, способные унять кашель Ли Яо; в одних лишь дебрях горы Тайбай он затерялся почти на полгода.

Заметив на лице юноши искреннее недоумение, сидевший за соседним столом благородный господин снисходительно улыбнулся.

— Похоже, нашему знатному гостю сие имя знакомо, — подметил услужливый трактирщик, собаку съевший на распознавании чужих настроений.

— Лишь понаслышке, — мягко отозвался вельможа. — Быть может, хозяин просветит нас?

Трактирщика не пришлось просить дважды, он охотно заговорил:

— Владыка Отделяющегося Огня — земное воплощение и глава Культа Отделяющегося Огня. Признаться, поначалу я и сам во все эти рассказы не верил, почитал их за обычные бродяжьи враки. Но прошлой осенью у жены Дяди Ху, что живет на восточной окраине, приключилась неведомая хворь. Как раз в те дни у меня остановился старейшина культа. Человек святой души! Сходил, осмотрел бедняжку, дал два порошка — и хворь как рукой сняло. А за ужином глянул на меня и сразу понял, что я мучаюсь кашлем от каждого порыва ветра. Тоже выделил чудо-порошок. Сказал только: «Перед тем как пить, молись от всего сердца, тогда сила лекарства возрастет десятикратно». И ведь не солгал! Сами видели, стоило пригубить — и я снова на ногах, — хозяин так и сиял от восторга. Вдруг он понизил голос до шепота: — Парень, а знаешь ли ты, кто скрывается под ликом Владыки?

Цзинпин лишь нахмурился. Ему показалось, что у трактирщика больно не только тело, но и рассудок. Он молча качнул головой.

Хозяин напустил на себя пущей таинственности:

— Владыка — не кто иной, как перерожденный Чжунли, снизошедший в наш бренный мир, дабы претерпеть девяносто девять огненных испытаний и спасти тонущую в грехах поднебесную. И это... сам наш нынешний Император! — При этих словах трактирщик

благоговейно повернулся в сторону столицы, сотворил священное знамение пальцами и отвесил глубокий поклон: — Небеса хранят Великую Цзинь! Да здравствует Император! Да пребудет наша держава в мире во веки веков!

Цзинпин не нашелся с ответом. Вся эта история отдавала зловещим безумием, однако мысль о средстве, мгновенно прекращающем кашель, не давала ему покоя.

— Почтенный, не позволите ли взглянуть на ваше чудодейственное снадобье? Хотелось бы поучиться у столичных мастеров.

— Смотри, только не просыпь ни крупички, — великодушно разрешил хозяин, протягивая флакон.

Цзинпин осторожно подцепил мизинцем немного серой пудры с крышечки и поднес к носу — никакого запаха. Тогда он коснулся кончиком языка — порошок оказался приторно-сладким. Однако сладость эта ощущалась фальшивой, наносной, словно ею пытались заглушить истинный, неприятный вкус лекарства. За этой приторностью разобрать подлинный состав снадобья было решительно невозможно.

— Ну что? — с гордостью спросил хозяин. — Скажи, лекарь, ведь истинное благословение небес?

Все мысли Цзинпина были заняты Ли Яо, отчего он высказался прямолинейно, не успев взвесить слова:

— Снадобья столь мгновенного действия таят в себе скрытую угрозу. На вашем месте я бы не стал злоупотреблять ими...

Договорить он не успел. Трактирщик с грохотом хлопнул ладонью по столу, мгновенно взвизывая от ярости:

— Да что ты понимаешь?! Ты знаешь, каково это — кашлять до полусмерти, когда из груди словно душу выдирают?! Я-то думал, ты малый с чистым сердцем, а ты обычный упрямый невежда! Убирайся вон! Даже если бы эти благородные господа не выкупили дом, я бы не стал держать тебя под своей крышей!

От такой вспышки гнева Цзинпин даже растерялся. Он понимал, что проявил неосторожность, но подобная слепая ярость казалась дикостью. Юноша порывался было объясниться, но вовремя передумал: «К чему спорить? Я сам виноват, влез со своими нравоучениями и задел то, во что он свято верит. Немудрено, что старик осерчал».

Не желая тратить время на пустые препирательства, он вынул из кошелька несколько монет, опустил их на липкую столешницу и вежливо поклонился разгневанному хозяину:

— Коли открыл лавку — плату бери. Мои слова действительно были дерзкими, прошу прощения за бестактность. Прощайте.

С этими словами он покинул постоялый двор, вскочил в седло и направил коня на юг. Раз уж сама судьба гнала его прочь из этого города, противиться ей он не стал.

В опустевшем зале трактира воцарилась тишина. Сидевший за столом вельможа сделал глоток чая и негромко спросил своего спутника:

— А-Да, ты разглядел узор на маске этого юноши?

Глаза великана сузились, но он лишь молча покачал головой.

Господин тихо рассмеялся:

— Если зрение меня не обманывает, этот малый тесно связан с тем, кого мы ищем.

Дорога вела Цзинпина прочь из города. Серебряный лунный свет мешался со звездным крошевом, бледной лентой указывая путь среди холмов. Летящие вслед за конем лепестки скрашивали одиночество ночной скачки. Спустя пару часов юноша заметил, что тракт в этот глухой час отнюдь не пустовал.

Не успел он отъехать и на десять ли от городских ворот, как мимо него друг за другом протащились три или четыре груженные сеном телеги. Это заставило его насторожиться. Присмотревшись сквозь полумрак, он заметил, что под ворохом сухой травы прятались туго завязанные холщовые мешки. Что в них везли — оставалось загадкой.

Одиноким всадник без труда обгонял тяжелые повозки. Поравнявшись с очередной телегой, Цзинпин искоса взглянул на возницу — тот сидел насупившись и провожал чужака крайне недоброжелательным, подозрительным взглядом. В миг, когда их разделяла лишь пара шагов, ночной ветерок донес до юноши едва уловимый, но хорошо знакомый аромат сухих трав.

«Лекарственное сырье?»

Обычные торговцы не станут прятать товар под соломой, да еще и пускаться в столь спешный ночной путь на дряхлых крестьянских телегах. К тому же караван шел не кучно, а порознь...

Обладая острым умом, Цзинпин мгновенно сопоставил факты: кто-то спешно и тайно переправлял огромные запасы лекарств. Судя по направлению, повозки держали путь к границам Южной Цзинь. На сердце у него внезапно заскребли кошки, поднялась волна безотчетной тревоги.

Разум твердил, что в городе не могло стрястись беды — иначе шум стоял бы на всю округу. Но измученная долгой разлукой душа рвалась к Ли Яо. Гранд-дядя-наставник и без того заходился в непрерывном кашле; если вспыхнет повальный недуг и зацепит его слабое тело, для него это станет верным смертным приговором!

От этих мыслей дорожные красоты мигом утратили для него всякую прелесть. Сжав бока жеребца, Цзинпин пустил его в галоп. Конь несся во весь опор, летя наперегонки с лунным светом, словно чуя нетерпение и тревогу своего хозяина.

Ночная дорога всегда утомляет сильнее, и путь занял больше времени, чем обычно. Спустя два долгих года разлуки Цзинпин наконец увидел в утренних сумерках знакомые очертания родной усадьбы. Небо на востоке едва начинало светлеть.

Сквозь клубы молочного тумана над пристройкой кухни вился тонкий сизый дымок — верно, дядя Сунь уже поднялся и хлопотал у плиты, разводя огонь для завтрака. Эта мирная, тихая картина мгновенно уняла терзавшую Цзинпина ночную тревогу. Он сошел на землю, решив немного перевести дух, стряхнуть с себя дорожную пыль и успокоить бешено колотящееся сердце.

Проснулся ли уже Гранд-дядя-наставник? Прибавил ли хоть немного в весе? Стал ли меньше кашлять? Не обзавелся ли за время его отсутствия какими-нибудь новыми причудами? Вопросы лавиной обрушились на него, заставив на мгновение растеряться.

Он так неистово стремился домой, желая поскорее обнять учителя и Гранд-дядю-наставника, но теперь, стоя у самого порога, неожиданно оробел.

Калитка оказалась не заперта и слегка приоткрыта. Привязав поводья к кривому стволу придорожного вяза, Цзинпин заглянул в щель. В тихом утреннем дворе сидел человек.

Расположившись вполоборота к воротам, он увлеченно стругал тонкий бамбуковый шест. При виде этого до боли знакомого силуэта взгляд Цзинпина потеплел, а на губах сама собой расцвела улыбка: «Надо же, старые привычки бессмертны. Мало того, что увлечение не забросил, так теперь еще и удилища сам мастерит».

Нарочито утяжелив шаги, чтобы не испугать его, юноша толкнул деревянную створку и переступил порог:

— Гранд-дядя-наставник, я вернулся.

<http://bllate.org/book/18368/1760221>